

С. А. Ключев

АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР ЦЕРКВИ УКРО МАРЬЯМ (ТЫГРАЙ, ЭФИОПИЯ) И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИЯХ АРМЕНИИ И СОСЕДНИХ СТРАН*

Статья посвящена анализу примечательного резного декора сводов и стен скального памятника региона Тыграй (Эфиопия) — Укро Марьям Амба Сэнэйти. Среди прочих элементов, некоторые ячейки сводов при помощи имитации балочного креста разделены здесь на четыре равных сегмента, в каждом из которых размещен небольшой купол. Данная композиция представляется нетипичной для эфиопской традиции, но в то же время глубоко символичной. В поисках генезиса данного решения и аналогий автор статьи обращается к традиции церковного зодчества анатолийско-кавказского региона, прежде всего Армении. В храме Укро Марьям обнаруживаются и другие декоративные сюжеты, имеющие сходство с традиционными архитектурными решениями христианских Грузии и Армении. В частности, жгуты, декорирующие стены храмов, и гирьки со спиралевидным рельефом. Вопрос о возможном влиянии государств Закавказского региона на Эфиопию остается открытым, но автор обращает внимание на ряд параллелей в решениях, вероятно, восходящих к общему корню — раннехристианскому искусству, а в конечном счете к античной традиции. Можно предположить непосредственное влияние прототипов, объединяющих традиции двух отдаленных друг от друга регионов, как из мира идей, так и реальных географических регионов, ставших перекрестками для христианских культур Эфиопии и Армении. Конечно, местом встречи представителей эфиопской и армянской Церкви был Иерусалим, но не менее важную роль мог сыграть в этом вопросе Египет. Статья не претендует на полноценный ответ на поставленные вопросы, она является «первым шагом», основой для дальнейшей научной работы по изучению истории церковного зодчества христианского Востока, аспектов межрегиональных влияний и генезиса архитектурных форм.

Ключевые слова: архитектурный декор, скальные церкви, христианская символика, Укро Марьям, Эфиопия, Тыграй, христианский Восток, Армения, гавит

S. A. Klyuev

ARCHITECTURAL DECORATION OF THE CHURCH OF WUQRO MARYAM (TIGRAY, ETHIOPIA) AND ITS PARALLELS IN THE TRADITIONS OF ARMENIA AND NEIGHBORING COUNTRIES

The article is devoted to the analysis of the remarkable carved decoration of the vaults and walls of the rock-hewn monument of the Tigray region (Ethiopia) — Wuqro Maryam Amba Sänayti. Among other elements, some cells of the vaults, through the imitation of a beam cross, are divided into four equal segments; each of them contains a small dome. This composition seems atypical for the Ethiopian tradition, but at the same time, deeply symbolic. In search of the genesis of this solution and analogies, the author of the article refers to the tradition of church architecture of the Anatolian-Caucasian region, primarily Armenia. In the Wuqro Maryam church, other decorative elements are found that are similar to the traditional architecture of Christian Georgia and Armenia. In particular, rope-like moldings and bosses with a spiral relief decorating the walls of churches. The question of the possible influence of the states of the Transcaucasian region on Ethiopia remains open, but the author draws attention to a number of parallels in the decisions, probably going back to a common source — early Christian art, and, ultimately, to the tradition of Antiquity. One can assume the direct influence of prototypes that unite the traditions of two regions distant from each other, both from the world of ideas and real geographical regions that have become

* Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.1.1.1.

crossroads for the Christian cultures of Ethiopia and Armenia. Of course, Jerusalem was the meeting place for representatives of the Ethiopian and Armenian churches, but Egypt could have played an equally important role in this matter. The article does not claim to have the full answers to the questions raised; it is the "first step", the basis for further scientific work on the study of the history of church architecture of the Christian East, aspects of inter-regional influences and the genesis of architectural forms.

Keywords: architectural decoration, rock-hewn churches, Christian symbols, Wuqro Maryam, Ethiopia, Tigray, Christian East, Armenia, gavit

К выдающимся памятникам скального зодчества Эфиопии следует отнести церковь Укро Марьям в Амба Сэнэйти (регион Тыграй). Этот храм примечателен богатым резным декором сводов и стен, в том числе уникальными сюжетами. Итальянский исследователь А. Мордини датировал храм Укро Марьям XII–XIII вв. Согласно предположению К. Лепаже и Ж. Мерсье, этот храм датируется между 1350–1450 гг., то есть уже после подавления восстания (*Lepage, Mercier 2005: 162*).

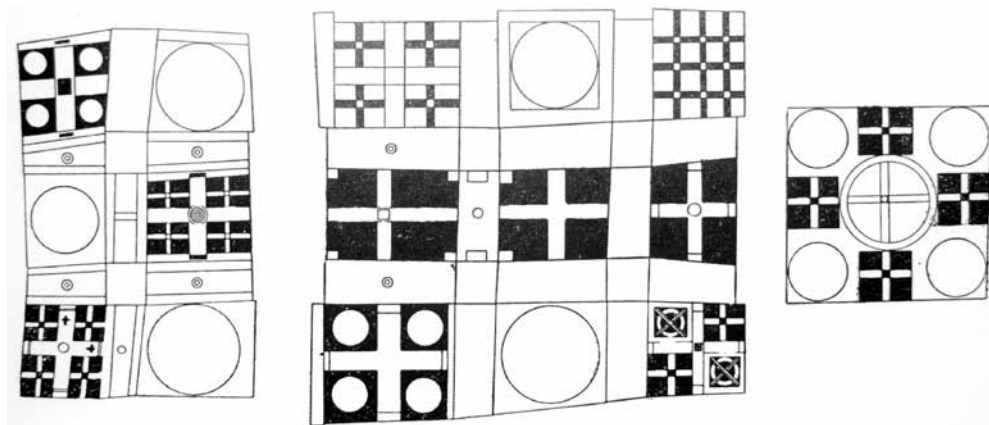
Автор данной статьи предполагает, что памятник следует датировать первой третью XIV в. (а точнее, до 1322 г.), то есть временем правления местного феодала Йеабика Эгзиэ, центром власти которого и был район Амба Сэнэйти. Создание храма, вероятно, так или иначе связано с восстанием Йеабика Эгзиэ против правителя Абиссинии Амда Сиона (1314–1344) в первой трети XIV в. Версия С. Б. Чернецова о том, что именно по приказу Йеабика Эгзиэ и для утверждения его власти был изначально написан трактат «Кыбрэ Нэгэст» («Слава царей»), повествующий о преемственности правителей Эфиопии по отношению к царю Соломону и царице Савской (*Чернецов 2004: 59–67*), обнаруживает серьезный идеологический базис для подготовки восстания¹. Можно предпо-

ложить, что утверждение власти Йеабика Эгзиэ могло быть идеологически подкреплено созданием не только новой мифологии в виде трактата, но и монументального храма, полного символики, декор которого во многом уникален. Конечно, с другой стороны, создание этого примечательного памятника могло символизировать утверждение царской власти над покоренным мятежным районом, но данная версия по ряду причин представляется менее убедительной. Отметим, в частности, что скальные храмы области Ластва в этот период уже не столь монументальны, как в правление предшествующей Загвейской династии.

Примечательно расположение памятника на небольшой высоте относительно окружающих скал, что характерно для мемориальных храмов с погребениями, мест паломничества и нетипично для аскетичных монастырей.

Основными мотивами декора сводов здесь являются различные комбинации купола и креста (ил. 1). Главным образом в основе таких композиций — имитация балочного (крепящегося на четырех консолях) креста, делящего квадрат ячейки свода на четыре равных сегмента, в каждом из которых может быть размещен крест, купол или комбинация различных элементов. Композиция в своде алтарной части наиболее сложна: она состоит из центрального купола, по прямым осям от которого расположены квадраты с крестами, а по диагоналям (то есть по углам ячейки свода) — купола. Она представляется глубоко символической (*Клюев 2016: 96–97, ил. 7*).

¹ Из версии С. Б. Чернецова следует, что впоследствии «Слава царей» была адаптирована для обоснования права на трон, как истинных наследников библейских царицы Савской и царя Соломона, правителей из народа амхара — Амда Сиона и его династии «Соломонов».

Ил. 1. План размещения декора сводов в Укро Марьям Амба Сэнэйти по А. Мордини (Mordini 1939: 525)

За пределами мэкдэса (алтарной части) особенно интересны две ячейки сводов (северо-западная в нартексе и юго-западная в наосе). Квадратная плоскость каждой разделена крестом на четыре равных сегмента, в них вытесаны глубокие полусферы куполов (Клюев 2016: ил. 6) (ил. 2). В других скальных храмах Эфиопии подобный сюжет в рельефном исполнении неизвестен, однако мы можем обнаружить некоторые аналогии в росписях, декорирующих своды храма Бетэ-Марьям в Лалибэле.

Здесь фрагментарно (главным образом на сводах и в верхней части стен) сохранились росписи, датируемые 2-й пол. XIII в. Согласно стилистическому анализу и скрытой тканью надписи на столбе, они, вероятно, выполнены коптскими мастерами. На потолках шести ячеек (северный и южный нефы) вырезаны объемные равноконечные кресты, между лучами которых изображены разнообразные розетки, каждая из которых является центром concentрической композиции, размещенной на зеленоватом фоне (ил. 3). К. Лепаж и Ж. Мерсье связывают сюжет этих розеток с символикой света (в том числе Си-

Ил. 2. Декор свода северо-западной ячейки нартекса Укро Марьям. Фото автора, 2014 г.

найского и Фаворского) и отмечают, что подобные розетки и шевроны украшают нишу с изображением креста в монастыре святого Антония в Египте, датируемую 1233 г. (Lepage, Mercier 2012: 110). Справедливости ради отметим, что в половине ячеек с сохранившимися росписями (трех из шести) в Бетэ-Марьям изображены не по одному, а по два

Ил. 3. Декор потолков в скальной церкви Бетэ-Марьям комплекса Лалибэлы. Фото автора, 2014 г.

округлых элемента в каждом из четырех полей между лучами креста (ил. 3).

В поисках аналогий этого декоративного решения в странах христианского Востока особое внимание следует уделить Армении и анатолийско-кавказскому региону. Сохранилось множество свидетельств взаимодействия эфиопской и армянской христианских культур. В частности, отметим стилистическое сходство в произведениях книжной миниатюры раннего периода обеих стран. Так, стилистически изображения из знаменитого эфиопского Евангелия Аббы Гаримы (Тыграй, IV–VII вв.), в особенности, оформление канонических таблиц Евсевия и темпъето, наиболее близки к сирийской и армянской традиции украшения рукописей иллюстрациями. Контакты между эфиопами и армянами могли возникать как в Египте, так и в Палестине (Иерусалиме), а также, возможно, на Кипре (Тураев 1912: 3; Pankhurst 2003: 345). Агиографическая традиция Эфиопии демонстрирует особое отношение к далекой Армении. Так, например, святой Евстафий, по легенде, согласно повелению Богородицы, после посещения Александрии и Иерусалима отправился через

Кипр именно в Армению (вероятно, Киликийскую) (Тураев 1902: 170–172; Французов 2008). Отметим также почитание в эфиопской традиции некоторых святых армянского происхождения: св. Григория Просветителя, св. Рипсимэ (в эфиопской традиции — св. Арсема), а также Великих Каппадокийцев и каппадокийского святого Маманта (Мамаса).

Неудивительно, что наиболее интересные параллели рассматриваемому нами декоративному решению (крест с окружностями между его лучей) в потолочных ячейках двух примечательных эфиопских храмов можно обнаружить в традиции армянской архитектуры, а именно в декоре потолков гавитов или жаматунов.

Самым ранним дошедшим до нас подобным примером в армянском зодчестве является жаматун монастыря Оромос неподалеку от Ани, датируемый 1038 г. (Vardanyan 2015: 222). Здесь все угловые ячейки, а также центральная ячейка южного нефа декорированы следующим образом: равносторонний крест, украшенный резными орнаментами геометрического и растительного характера делит поле ячейки на четы-

ре равные части, в каждой из которых размещается углубление в виде многолепестковой розетки с выступающим округлым элементом в центре (Kazaryan 2014: 3; Kazaryan 2015: 132) (ил. 4). Каждая из таких розеток дополнительно обрамлена орнаментом. Таким образом, здесь мы видим отдаленные, но общие по ряду признаков черты как с декором сводов Укро Марьям (где, предположительно, из подобного сюжета с небольшим углублением могли развиваться полноценные купола), так и Бетэ-Марьям (где подобные розетки оказались не вытесаны, но расписаны красками).

Этот декоративный сюжет получил распространение и в других памятниках Армении, но, что интересно, он стал характерен именно для жаматунов или гавитов.

А. Ю. Казарян отмечает, что орнаменты и розетки на потолках жаматуна монастыря Оромос символизируют звездное небо. Разделение потолочных ячеек при помощи креста на четыре равные части он связывает с «ренессансом» античной традиции, получившей «новое дыхание» в Анийской школе армянской архитектуры, в особенности во второй четверти XI в. Здесь можно видеть аналогии с оформлением кессонированных сводов в храме Бела в Пальмире, храме в Гарни, библиотеке Цельсия в Эфесе (Kazaryan 2015: 146, 150, 155).

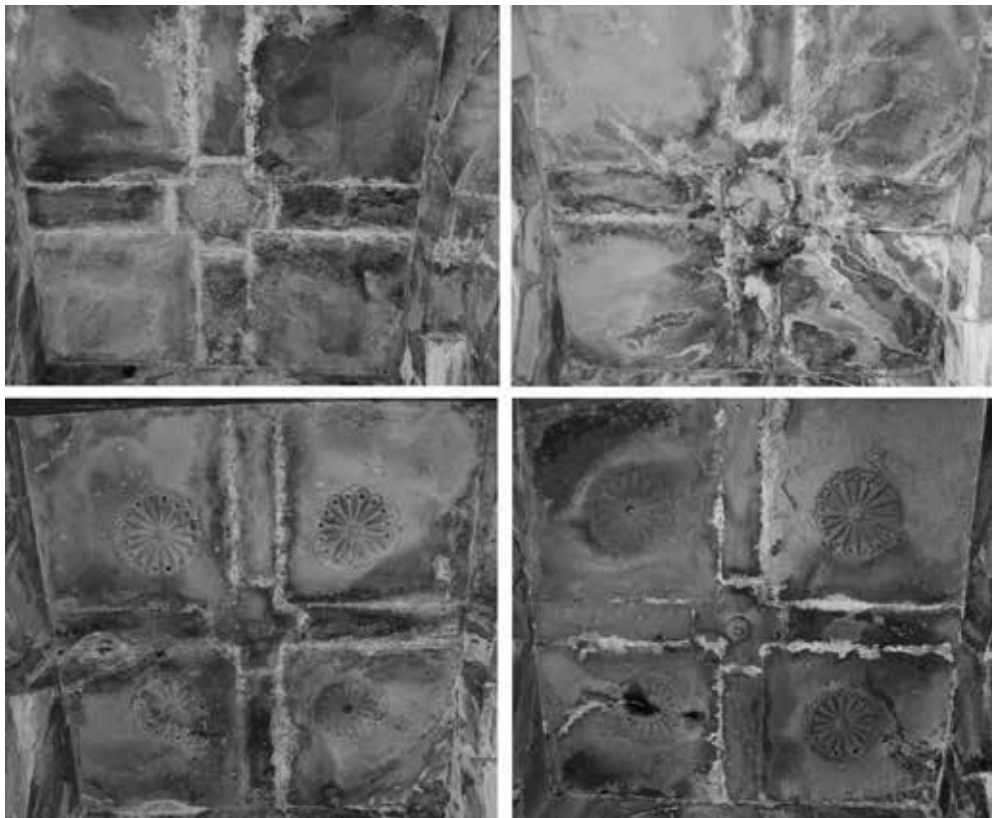
Примечателен декор гавита церкви Сурб Аменапркич (1181) монастыря Санаин (Токарский 1962: 280–282; Халпахчян 1980: 190–191; Сунео 1988: 290–298). Здесь четыре круглых в сечении столба делят внутреннее пространство на девять ячеек, своды которых решены по-разному: центральная имеет форму купола с окулузом; ориентированные по сторонам света — полуциркулярной формы, образуя рукава креста; потолки четырех угловых ячеек значи-

Ил. 4. Потолок ячейки жаматуна монастыря Оромос вблизи Ани. Фото А. Ю. Казаряна, 2013 г.

тельно ниже, каждая из этих ячеек разделена крестом на четыре квадрата. Но угловые ячейки решены по-разному: в двух западных вырезано по одной розетке только в средокрестии, в двух восточных — четыре розетки, выделенные красным цветом, которые занимают квадраты, образованные лучами креста, в то время как в средокрестии выполнен выступающий элемент шарообразной формы (Мнацаканян 1952: 44) (ил. 5). Гавит церкви Сурб Аменапркич интересен в контексте исследования еще и тем, что здесь обнаруживаются и некоторые другие сходства с декором Укро Марьям, а именно в оформлении капителей столбов (об этом подробнее далее).

Гавит церкви Св. Григория (кон. XII (с 1184 г.) — нач. XIII в.) монастыря Агарцин демонстрирует уже более вольную трактовку мотива (Токарский 1962: 288–290; Сунео 1988: 341–347). Подобные композиции размещаются в четырех угловых ячейках сводов, но лишь в двух случаях все четыре поля занимают розетки (Мнацаканян 1952: 48). В двух других случаях розетки перемежаются с фигуративными изображениями (людей и животных).

Ил. 5. Декор угловых потолочных ячеек гавита церкви Сурб Аменапркич монастыря Санаин. Фото автора, 2021 г.

Следует заметить, что план четырехстолпных гавитов и структура деления сводов на девять равных ячеек близка некоторым типам средневековых храмов эфиопской традиции (XIV–XV вв.): это скальные храмы Микаэль Барэка и Аммануэль Зала в Тыграе.

Не менее интересен гавит монастыря Макараванк (до 1207). Здесь аналогичное решение представлено в трех различных вариантах в угловых ячейках сводов (кроме юго-восточной) (*Мнацаканян* 1952: 54; *Халпахчян* 1980: 416; *Сипео* 1988: 330–333). На розетках здесь даже сохранились следы красноватой краски (*Мнацаканян* 1952: 61). В юго-за-

падной ячейке между лучей креста расположены четыре различного вида розетки. Одна из них, в которой «лепестки» украшены «кружочками», наиболее схожа с изображенными в Бетэ-Марьям Лалибэлы. Другая розетка изображает спиралевидный узор, подобный солярному символу — так называемому армянскому знаку вечности². В северо-восточной ячейке розетки заполнены орнаментальным рисунком, по типу арабесок. Одна из них отдаленно подобна предполагаемому изображению Престола (Тро-

² Также в отношении этого символа используется термин «аревахач» — «солнечный крест».

на) Господня и находит сходство с орнаментальной росписью в Укро Черкос (об этом подробнее далее). В центре другой изображен «знак вечности» (ил. 6).

Символика числа четыре (то есть количество образованных крестом квадратов) в христианской традиции многозначна: оно ассоциируется с числом Евангелистов³, но может обозначать ангелов (херувимов) вокруг Престола Господня и четырех существей — Арбаыту Ынсыса (Тетраморфа)⁴.

Интересный пример, кратко упомянутый ранее, обнаруживается в Тыграе, в росписи притвора скального храма Укро Черкос. Здесь сохранился лишь фрагмент в одном из четырех полей разделенного крестом свода. Эта роспись относится ко второму, позднему слою, датируемому, вероятно, XV в. (под ней видны следы более ранней: геометрического орнамента зигзагообразного типа). Позднейшая роспись изображает четырех херувимов (о чем гласит подпись) в позе орант, их крылья «полны очей» (Иез. 10:12)⁵. Херувимы окружают расположенное в центре компо-

Ил. 6. Потолок ячейки гавита монастыря Макараванк. Фото А. Ю. Казаряна, 2015 г.

зиции орнаментальное изображение, предположительно, Престол Господень. Его центральная часть изображена как окружность, совмещенная с ромбовидным крестом. Ее внутреннее поле расчерчено переплетениями линий на квадраты с диагональными крестиками внутри (ил. 7). Эта орнаментальная сетка подобна традиционным эфиопским печатям для просфор. Такая структура может символизировать «сапфир», упоминаемый в видении Трона Господня пророком Иезекиилем (Иез. 10:1; *Mercier, Lepage* 2012: 197).

Интересно отметить сходство сюжета членения пространства крестом на четыре равные части и размещение в каждой из них круга в настенной росписи храма Гэннэта Марьям конца XIII в. Здесь подобным образом изображены верхние части крыльев одного из ангелов.

Рассмотрим схожие решения в декоре сводов гавитов Армении и скальных церквей Эфиопии. Так, огромный интерес представляют орнаментальные резные сюжеты декорирования потолков гавитов и жаматунов и их аналоги в живописном или резном оформлении сводов церквей средневековой Эфиопии.

³ Обратим внимание на изображение четырех евангелистов между рукавами креста в росписи свода храма Марьям Дебре Цион в Геральте (*Lepage, Mercier* 2005: 158). Четыре фигуры также изображены в позе орант в куполе Марьям Коркор, между ребрами купола, образующими крест. Красноватый фон сливается с одеждами фигур (по сути, границ между ними не видно), которые украшены многочисленными розетками, символизирующими, вероятно, звезды и традиционно подчеркивающие святость (*Клюев* 2016: ил. 5).

⁴ Отметим, что в эфиопской традиции Четыре Существа (Тетраморф) почитались отдельно, без связи с Евангелистами. Арбаыту Ынсыса даже посвящались храмы, что осуждалось Коптской церковью.

⁵ Не менее символично, что по этой причине перья их крыльев имеют рисунок наподобие хвоста павлинов — птиц, символизирующих в раннехристианской традиции бессмертие.

Ил. 7. Оформление одной из ячеек потолка в притворе скального храма Угро Черкос. Фото автора, 2014 г.

Здесь особо отметим сюжет шахматных кессонов, орнамент по типу арабесок: чередование восьмиконечных звезд и крестов, а также переплетения, образующие несколько крестов и октагонов. Все указанные элементы выполнены в рельефе на потолках гавита армянского монастыря Арич (до 1224) (Cuneo 1988: 248–258).

Орнаментальные сюжеты, подобные последнему из вышеуказанных, а также образованные чередованием восьмиконечных звезд и крестов, в Эфиопии представлены в наборных потолках храма Йемреханна Крестос (2-й пол. XII в.), росписях храма Билбала Черкос (XIII в.), отчасти — в Гэннэта Марьям и некоторых других (Gerster 1970: 118, 120). В тыграйском скальном храме Йесус Хынца Гиджет (XIV в.), как и в своде гавита Арича, выполнены крупные, расположенные в шахматном порядке кессоны.

Во многом символическая, параллель между гавитами армянских монастырей XI–XIII вв. и эфиопским храмом Бетэ-Марьям Лалибэлы заключается в следующем. В Бетэ-Марьям ближе к алтарной части, по центральной оси, размещен высокий столб, подпирющий полуциркульный свод центрального нефа. Аналогии в наземных церквях подобным высоким столбам неизвестны, а его конструктивная функциональность в некоем наземном храме-прототипе вызывает сомнения. В наши дни этот столб завернут в ткань, скрывающую фрагмент росписей с текстом на коптском и арабском языках⁶. Этот высокий столб именуется «столпом света». К. Лепаж и Ж. Мерсье указывают в данном контексте на символику «столпа света», по которому души праведников возносятся в рай (Mercier, Lepage 2012: 189). Этот сюжет зафиксирован, в том числе, на эфиопских иконах.

В гавитах армянских монастырей центральная ячейка, как правило, имеет окулус, через который в интерьер в виде луча попадает солнечный свет — его также можно образно охарактеризовать как «столп света». А.Ю. Казарян, обращая внимание на отмеченную А.М. Лидовым связь фонарей в памятниках европейской архитектуры с «чудом святого огня», предполагает аналогичную связь гавитов монастырей Армении с образом храма Воскресения Господня в Иерусалиме (Казарян 2009: 531–532; Kazaryan 2015: 152–153). Как известно, в богослужении по случаю «сошествия благодатного огня» как минимум с XIV в. принимают участие не только греческие и армянские иерархи, но также коптские и эфиопские (Fiaccadori 2010: 353–354).

⁶ Текст гласит: «Смилуйся, Господи, над рабом Христовым, который создал церковь» (Bosc-Tiessé 2010: 47–48).

Таким образом, мы можем предполагать некую символическую связь ротонды Воскресения в Иерусалиме с гавитами (жаматунами) армянских монастырей, а также эфиопскими памятниками — пещерным храмом Бетэ-Марьям Лалибэлы, а через него и Укро Марьям Амба Сэ-нэйти.

Согласно исследованиям А.Ю. Казаряна и Э.Б. Варданыан, в монастыре Оромос был выстроен первый жаматун — как мемориальное здание, исполняющее роль мавзолея для армянского царя Ованнеса Смбата Багратуни III. Резной декор внутренних граней его шатра с окулузом в вершине являет собой выражение эсхатологических ожиданий, царивших в тот период. Он символизирует Врата в Царствие Небесное, Небесный Иерусалим и надежду на спасение душ, захороненных в здании, на Страшном Суде (*Vardanyan* 2015: 227, 236, 238, 266).

С этим фактом связано и использование характерного оформления потолков: розетки здесь символизируют звездное небо — образ вечности и бессмертия в христианской традиции (*Kazaryan* 2015: 150–151). А.Ю. Казарян отмечает, что наряду с другими функциями гавитам всегда присуща погребальная (*Казарян* 2009: 532).

Аналогичное соответствие можно обнаружить и в храме Светицховели, а также предположить для церкви Укро Марьям⁷. В последней захоронения обнаруживаются в полу юго-восточной части наоса, а также в монолитном кубовидном возвышении в его северо-восточной части. Возможно, это могли быть захоронения представителей

⁷ Что касается храма Бетэ-Марьям, то в комплексе Лалибэлы погребальную функцию выполнял, вероятно, другой храм — Бетэ-Голгота (часть комплекса Дэбре-Сина — Голгота-Сылласие).

знатного рода. Имели ли они отношение к роду Йеабика Эгзиэ, остается вопросом, так как сведений не сохранилось или они пока науке неизвестны. Память об этом феодале могли целенаправленно уничтожить правители из династии Соломонидов, подавившие мятеж. Итак, мы можем предположить наличие некой связи, объединяющей рассматриваемые памятники отдаленных друг от друга регионов.

Многие из арок, а также центральные части отдельных куполов в храме Укро Марьям декорированы выступающими элементами наподобие гирек округлой или цилиндрической формы.

В поисках аналогий обратимся к пещерному зодчеству Каппадокии. Отметим декор скального храма №3 («Трех крестов») в Гюллюдере (Чавушин, Каппадокия) (*Jolivet-Lévy, Lemaigre Demesnie* 2005: 75). Здесь в полях, образованных равносторонним крестом, вписанным в окружность, размещены четыре объемных циркульных элемента с концентрическим узором. Однако он находит большее сходство с другим мотивом, представленным в Укро Марьям, — мотивом «подвесных гирек» цилиндрической формы с концентрическим рисунком на «срезе». Подобные элементы выполнены в восточной ячейке центрального нефа нартекса (ил. 8).

В перекрытиях наземных памятников встречаются подобные (но не идентичные) элементы, выполненные из дерева. Прежде всего следует отметить церкви Марьям Бэтэ-Лыхем в Гайенте (кон. XIV в.) и большой храм монастыря Гундэ-Гундэ (кон. XIV — нач. XV в.) в Тыграе (*Gerster* 1970: 139; *Lepage, Mercier* 2005: 182).

Интересно обнаружить аналогию данному решению в гавите церкви Сурб Аменапркич монастыря Санаин. Здесь капители круглых в сечении столбов де-

Ил. 8. Декор свода восточной ячейки центрального нефа нартекса Укро Марьям. Фото автора, 2014 г.

корированы «сельджукской» цепью, а по их углам выполнены различные округлые элементы⁸. Возможно, это лишь развитие темы волют капителей в сторону большей декоративности. Однако отдаленно они также напоминают декоративные элементы эфиопской традиции. Вероятно, наиболее близким сходством обладают по отношению к указанному примеру деревянные «гирьки» на балке, инкрустированной поперек центрального нефа в скальном храме Гийоргис Май Кадо (2-й пол. XIV — 1-й пол. XV в.)⁹, расположенном в соседнем Харамате (около 17 км от Укро Марьям). Форма этих деталей напоминает некий подвешенный сосуд. Возможно, они имеют отношение к образу светильников из Храма Гроба Господня (расположен-

ных в Кувуклии или над Камнем Помазания) (ил. 9)¹⁰.

Также обнаруживается сходство между декором интерьера храма Укро Марьям и элементами, составляющими декоративную систему не только потолков гавитов армянских монастырей, но и купольных барабанов армянских церквей. Например, в церкви Катогике монастыря Гегард, церкви Тиграна Оненца в Ани¹¹ (обе 1215 г.) (Cuneo 1988: 136–139, 658–659) и некоторых других декоративный аркатурный пояс барабана дополнен объемными резными рельефами в виде розеток, медальонов (в том числе

¹⁰ В центральном нефе храма Бет-Марьям Лалибэлы также подвешены два округлых элемента.

¹¹ Интересно замечание А.Я. Каковкина о том, что в храме Тиграна Оненца в Ани среди росписей присутствуют редкие для Закавказья, но популярные в Египте сюжеты: «Приращение Марии Египетской святым Зосимою» и «Три отрока в печи огненной» (Каковкин 1982: 158).

⁸ Капитель одного из столбов декорирована головами львов и тельцов.

⁹ Этот храм, вероятно, более поздний, чем Укро Марьям, но во многих своих чертах подражает ему.

Ил. 9. Оформление капители одного из столбов в гавите церкви Сурб Аменапркич монастыря Санаин, Армения (слева). Инкрустация в центральном нефе скального храма Гийоргис Май Кадо, Тыграй (справа). Фото автора, 2021, 2019 гг.

со спиралевидной резьбой, изображающих «знак вечности» или «аревахач»).

«Гирьки» со спиралевидной резьбой в Укро Марьям, вероятно, также ведут свое происхождение от изображений солярных символов в храмах Эфиопии, находящих аналогии в искусстве Армении. В росписи тыграйского храма Марьям Дэбре Цион, датируемой концом XIV в., спиралевидный характер имеет антропоморфное (с глазами) изображение солнца на северной стене. Также подобный символ встречается в росписях храмов Эмакинэ Медханэ Алем, Гэннэта Марьям и Билбала Черкос в районе Лалибэлы (Gerster 1970: 112, 117). Этот сюжет размещен по аналогии с изображением солнца в росписях Бетэ-Марьям Лалибэлы на интрадосе одной из арок.

Другие антропоморфные изображения солнца и луны обнаруживаются в росписях храмов Марьям Коркор, Эмакинэ Медханэ Алем, Бетэ-Марьям Лалибэлы, то есть храмов, датируемых начиная с середины XIII в. В эфиопской книжной миниатюре изображения солнца и луны сопровождают сцену Распятия,

фланкируя крест. Они символически соотносятся с эсхатологической символикой. Солнце также является символом как Христа, так и Богородицы. Аналогии антропоморфных изображений светил можно обнаружить как в росписях коптских храмов в Египте (например, роспись апсиды в монастыре Св. Антония, 1232/1233 гг.¹²), так и в резьбе армянских хачкаров типа «Аменапркич» (Халпахчьян 1980: 223, ил. 32), где образы антропоморфны, а не заменены геометрическими символами (ил. 10).

Несколько солярных символов типа «аревахач» также обнаруживаются в росписи, изображающей Христа Вседержителя в апсиде Белого монастыря (Дейр-Амба-Шенуда) в Египте¹³, датируемой 1123–1124 гг. (знаки изображены на мандорле). Крылья Четырех

¹² В часовне Деисус они фланкируют изображение Христа в мандорле.

¹³ Известно, что этот монастырь посещался эфиопскими паломниками. В частности, на стене храма здесь сохранилась достаточно поздняя эфиопская надпись, датируемая 1730 г. (Бокъ 1901: 54).

Ил. 10. Хачкар типа «Аменапркич» из монастыря Ахпат; Роспись апсиды часовни Деисус монастыря Св. Антония Великого (Египет); Изображение антропоморфных светил над триумфальной арков в храме Марьям Дебрэ Коркор (Тыграй, Эфиопия). Фото автора: два верхних 2021 г., нижнее 2014 г.

Ил. 11. Роспись конхи главной апсиды собора Белого монастыря (Дейр-Амба-Шенуда в Сохаге, Египет). Фото автора, 2021 г.

Сущностей здесь также приобрели волнообразный рисунок (ил. 11). Этот пример из Египта интересен прежде всего тем, что изображения содержат надписи на армянском языке, указывающие на причастность армянских мастеров к украшению храма в XII в. (Coquin, Martin 1991)¹⁴.

¹⁴ В частности, надпись на армянском в северной части центральной апсиды гласит: «Феодор, художник и книжник из провинции

Ил. 12. Оформление одной из арок в нартексе Укро Марьям, Тыграй (слева). Фото автора, 2014 г. Оформление окна церкви Никорцминда, Грузия (справа). Фото А. М. Макаровой, 2006 г.

Спиралевидные гирьки впоследствии стали изображаться в исламской традиции на порталах и михрабах мечетей. Но особо отметим «гирьки» со спиральной насечкой и жгуты в оформлении символической копии Кувуклии, датированной XIII–XIV вв. в грузинском соборе Светицховели (1029) (*Ponomarew* 1971: 684–685). По сути, это уменьшен-

Кессун, недалеко от моста Шендже, из деревни, которая зовется Махтелле; мой отец — каменщик по имени Кристафор, да благословит его Бог, и вас, и всех армян, которые [находились] на службе в Египте — во время патриархата отца Григора, племянника [сына сестры] Григория, который поставлен отцом Ваграмом» (*Бокъ* 1901: 58–59; *Strzygowski* 1918: 732; *Walatek McKenney* 2011: 15–16). М. Н. Свонсон отмечает, что армянский генерал по имени Бахрам (Ваграм), брат армянского католикоса Григора, стал визирем в 1135 г., в правление халифа аль-Хафиза, однако вскоре недовольство мусульман вылилось в джихад против Ваграма и его сторонников (*Swanson* 2016: 198). Ваграм лишился своей должности в 1137 г. и стал монахом в этом же монастыре (*Бокъ* 1901: 42). Еще одна надпись размещена рядом с изображением Христа — имя Григория Просветителя, первого католикоса всех армян. Две другие надписи на армянском расположены во вставках между окружностями, в них говорится: «Христос, помилуй меня, Хачатура, на рудниках страдающего» и «Христос, сжался над каменщиком Саргисом, трудящимся на рудниках».

ное здание храма, размещенное внутри другого большого собора. На фасадах (прежде всего на барабане купола) армянских и грузинских храмов на протяжении VII–XIII вв. в рельефе изображались различные символы, в том числе соляные символы типа «аревахач».

Наиболее интересен декор северо-восточной ячейки в гавите монастыря Макараванк (до 1207). Здесь в центральной части креста выполнен объемный элемент наподобие гирьки со спиралевидным рельефом, представляющий аналогию декоративным элементам из Укро Марьям Амба Сэнэйти (ил. 8)¹⁵.

Еще один примечательный декоративный мотив в Укро Марьям Амба Сэнэйти — украшение арки, соседствующей с тронном. Здесь контур пролета арки повторяет объемный рельеф в виде извивающегося, образующего пять круглых петель жгута (ил. 12). Подобные жгуты широко известны в оформлении грузинских храмов, таких как Никорцминда (1014), храм Баграта (1003) и др.

¹⁵ Отметим, что в одном из двух крестов с куполами в Укро Марьям в центральной части (средокрестии) имеется отверстие. Вероятно, здесь могла быть инкрустация (что в целом типично для эфиопской традиции), возможно, подобным элементом.

Ил. 13. Капитель колонки в стене Амиды (современный Диярбакыр, Турция) (слева). Капитель одного из столбов храма Дэбрэ-Сина (Лалибэла, Эфиопия). Фото автора, 2014 г.

(Ponomarew 1971: 683, 687–688). Как правило, они обвивают круглые окна на фасадах, украшенных богатой фигуративной и орнаментальной резьбой.

Возможным свидетельством связи Эфиопии с восточной Анатолией, соседствующей с историческими территориями армянских государств, является решение капителей в храмах Бетэ-Марьям, Дэбре-Сина и Бет-Абба-Либанос Лалибэлы. Здесь углы капителей, квадратных или крещатых в сечении, имеют фигурную вытеску. Наиболее интересны формы этой «вытески» в храме Дэбрэ-Сина Лалибэлы, где они проработаны наиболее подробно. Здесь можно обнаружить некоторое сходство их формы с расположенными по вертикали глазами (ил. 13). Данное сходство представляется неслучайным, обратим внимание на роспись в храме Эмакинэ Мэдханэ Алем, датируемую концом XIII в. Здесь изображен трон, фланкированный двумя колонками, капители которых имеют по два глаза каждая. На троне, согласно подписи, восседает святой Гонорий (Fitzgerald, Marsden 2017: 354). К. Лепаж и Ж. Мерсье также указывают на «глаз» как символ света (идея, восходящая

к оку Гора, то есть египетской традиции) (Lepage, Mercier 2012: 189). Нечто подобное мы обнаруживаем в оформлении капителей столбов пещерной церкви монастыря Халлач в Каппадокии (Rodley 1985: 21, pl. 14).

Но обратимся к истории происхождения этой формы. Она обнаруживается в декоре деревянной алтарной преграды в храме Зарема Гийоргис, датируемом VIII–IX вв., а также Микаэль Имба (1150) (Di Salvo 2018: 53, 91). Здесь две витые колонки основания арочного проема увенчаны капителями с точно такими же вытесками. В контексте нашего исследования интересно обнаружить подобные колонки в оформлении одной из ниш крепостной стены города Амиды (на воротах Даг-капы в современном городе Диярбакыр) в восточной Турции. Стены Амиды были возведены при византийском императоре Констанции II в IV в. Таким образом, обнаруживается еще одно связующее звено между декором храма Бет-Марьям Лалибэлы и исторической Арменией. Образ витых колонок также, вероятно, имеет отношение к символическому изображению храма Гроба Господня в Иерусалиме, что мы знаем, в частности,

по декору ампул византийского периода, популярных среди паломников того времени (*Tsafir* 1978: 530–532).

В центральной части западной стены нартекса храма Укро Марьям, напротив прохода в наос, вырезано подобие трона с навершием. Здесь можно провести отдаленные параллели с известным тронном, происходящим, предположительно, из Александрии (*Gaborit-Chopin* 1984: 105). Отметим, что в Светищовели также сохранился каменный трон, предназначенный для патриарха, а в настоящее время используемый в качестве киота для иконы. Для кого предназначался трон в Укро Марьям, остается неизвестным. Возможно, для местного правителя. С восточной стороны от него выполнена двойная арка с подвесной гирькой. Возможно, она должна была подчеркнуть особый статус, иерархию, акцентировать обособление пространства с тронном. Подобные двойные арки часто изображались в манускриптах, начиная с самого раннего известного нам Евангелия Эфиопии — Евангелия Аббы Гаримы (датируемого IV–VII вв.¹⁶) (*Fitzgerald, Marsden* 2017: 50). Двойная арка, например, часто сопровождает изображение таблиц канонов Евсевия, а также некоторые другие темы. Среди скальных храмов можно обнаружить рельеф с двойной аркой в церкви Дэбре Марьям Коркор. Некоторые параллели можно увидеть в размещении по центральной оси наоса столба, разделяющего пространство на два прохода (в храмах Укро Мескель Сокота, Бетэ-Марьям Лалибэлы, Укро Черкос и некоторых др.).

Еще одна важная деталь в декоре Укро Марьям Амба Сэнэйти (Нэбэллет) — рельефная дуга, оформляющая триумфальную арку. Дуга подобной формы

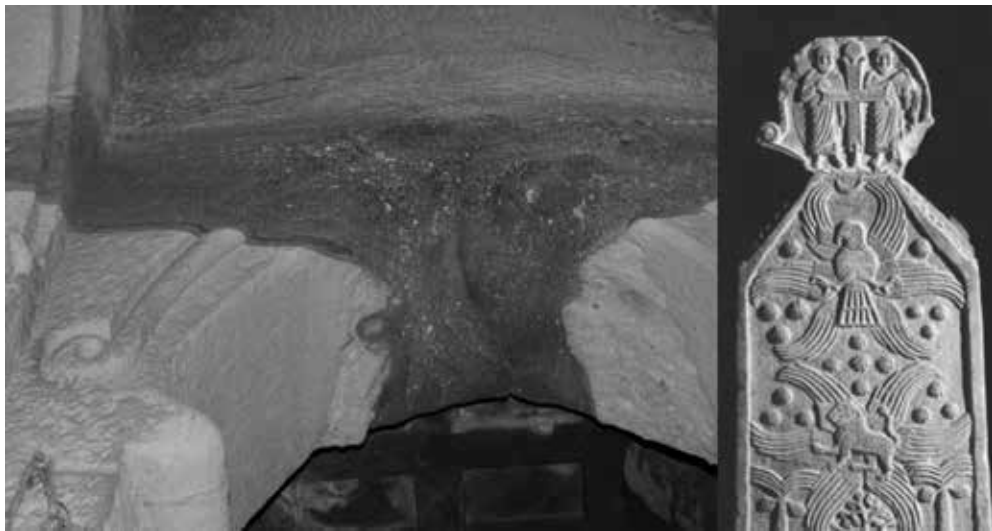
характерна для изображений зороастрийского бога Ахурамазды в искусстве Ирана. Среди артефактов христианской традиции обратим внимание на навершие уже упомянутого выше трона, предположительно, александрийского происхождения (ил. 14). Возможно, этот декоративный мотив был заимствован из произведений искусства античности и стал в христианском Египте также атрибутом сакральной сферы. Трон из Александрии, учитывая его крайне малые, для того чтобы на нем сидеть, символические размеры, вероятно, является изображением Престола Господня (*Lepage, Mercier* 2012: 195–196).

Итак, возвращаясь к изначальному вопросу статьи, отметим возникшую в ходе рассуждений логическую цепочку, связующую храмы Эфиопии Укро Марьям Амба Сэнэйти и Бетэ-Марьям Лалибэлы с теми памятниками Закавказского региона XI–XIII вв., которые, в свою очередь, могли иметь отношение к образу Храма Гроба Господня. Несомненно, указанных предположений недостаточно для полноправного утверждения данной идеи и требуется дальнейшая исследовательская работа.

Но все же можно констатировать подобие сюжетов декоративного оформления отдельных скальных церквей Эфиопии, храмов Грузии и Армении. В особенности обнаруживаются параллели с формами потолков и декором гавитов армянских монастырей.

Вести речь о прямом влиянии затруднительно, однако следует обратить внимание на существенный фактор присутствия армян в средневековом Египте, их вклад в искусство коптской церкви, оказывавшей прямое влияние на эфиопскую традицию ввиду иерархически подчиненного положения церкви абиссинской. Также можно предположить, что рассматриваемые в статье декора-

¹⁶ На основании радиоуглеродного анализа между 330 и 650 гг.

Ил. 14. Декор триумфальной арки в Укро Марьям (слева). Фото автора, 2014 г. Фрагмент навершия трона, предположительно из Александрии (VI в.) (справа) (Gaborit-Chopin 1984: 99)

тивные мотивы в своих формах и символизме так или иначе восходят к античному наследию, служившему источником вдохновения для мастеров, строивших и украшавших христианские храмы.

Два региона, наиболее тесно взаимодействовавшие с Абиссинией на протяжении веков, — Южная Аравия и Египет. В различные периоды они, как и Армения, оказывались во владении Римской, Византийской империи, государства Сасанидов. Этот факт мог способствовать распространению архитектурных и художественных форм и идей на обширные территории. Другим путем распространения ряда рассматриваемых декоративных мотивов могли стать христианские иллюминированные рукописи (мы знаем о богатой книжной традиции как Эфиопии, так и Армении, сходствах сюжетов и стилистики, особенно в ранний период¹⁷) (Leroy

1960: 204; Heldman 1993: 129; Fitzgerald, Marsden 2017: 50).

Храм Укро Марьям Амба Сэнэйти обладает уникальным резным декором, сходство с которым в Эфиопии можно обнаружить только в росписях другого примечательного храма — Бетэ-Марьям комплекса Лалибэлы. Это может быть свидетельством особой роли памятника Укро Марьям, возможно, имеющей прямое отношение к неудавшейся попытке утверждения власти местного феодала Йеабика Эгзиэ над Тыграем и всей Эфиопией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амиранашвили 1963 — Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М.: Искусство, 1963.
- Бокъ 1901 — Бокъ В.Г. Материалы по археологии Христианского Египта. СПб, 1901.
- Казарян 2009 — Казарян А.Ю. «Новый Иерусалим» в пространственных концепциях и архитектурных формах Средневековой Армении // Новые Иерусалимы.

¹⁷ Здесь также возможно влияние Сирии, взаимодействовавшей как с Эфиопией, так и с Арменией (Leroy 1960; Fitzgerald, Marsden 2017: 50).

- Иеротопия и иконография сакральных пространств : сб. статей / ред. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2009. С. 520–543.
- Каковкин 1982 — Каковкин А. Я. Армяне в средневековом Египте (к вопросу о культурных связях армян и египтян) // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. 1982. № 1. С. 150–158.
- Клюев 2016 — Клюев С. А. Особенности решения сводов в скальных храмах региона Тыграй (Эфиопия). Часть 1: купола // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. № 2 (7). С. 90–104.
- Мнацаканян 1952 — Мнацаканян С. Х. Архитектура армянских притворов. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1952.
- Токарский 1962 — Токарский Н. М. Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван: Армгосиздат, 1962.
- Тураев 1902 — Тураев Б. А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1902.
- Тураев 1912 — Тураев Б. А. Изъ армяно-абиссинских сношений // Памятники Эфиопской письменности. Вып. X. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912.
- Французов 2008 — Французов С. А. Евстафий // Православная энциклопедия. Т. 17. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 300–301.
- Халпахчян 1973 — Халпахчян О. Х. Санаин: Архитектурный ансамбль Армении X–XIII вв. М.: Искусство, 1973.
- Халпахчян 1980 — Халпахчян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении 8 в. до н.э. — 19 в. н.э. М.: Искусство, 1980.
- Чернецов 2004 — Чернецов С. Б. Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. СПб.: Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2004.
- Bosc-Tiessé 2010 — Bosc-Tiessé C., Derat L.-M., Fritsch E., Abullif W. A. Les inscriptions arabes, coptes et guèzes des églises de Lâlibalâ // Annales d'Éthiopie, Vol. 25 Dossier Lâlibalâ: Textes, objets, vestiges. 2010. P. 43–53.
- Coquin, Martin 1991 — Coquin R.-G., Martin M. S. J. Dayr Anba Shinudah. History // The Coptic encyclopedia. Vol. 3. 1991. P. 761–766.
- Cuneo 1988 — Cuneo P. Architettura Armena dal quarto al diciannovesimo secolo. Roma: De Luca editore, 1988.
- Di Salvo 2017 — Di Salvo M. The Basilicas of Ethiopia. An architectural History. London–New York: I. B. Tauris, 2017.
- Fitzgerald, Marsden 2017 — Fitzgerald M. A., Marsden P. Ethiopia: The Living Churches of An Ancient Kingdom. Cairo, New York: A Ludwig Publishing Edition, The American University in Cairo Press, 2017.
- Gaborit-Chopin 1984 — Gaborit-Chopin D. Throne-reliquary (the Sedia di San Marco) // The Treasury of San Marco, Venice. Milan: Olivetti, 1984. P. 98–105.
- Gerster 1970 — Gerster G. Churches in Rock. London: Phaidon, 1970.
- Heldman 1993 — Heldman M. E. The Heritage of Late Antiquity // African Zion: the sacred art of Ethiopia / ed. R. Grierson. New Haven, London: Yale University Press, 1993. P. 117–132.
- Jolivet-Lévy, Lemaigre-Demesnie 2005 — Jolivet-Lévy C., Lemaigre-Demesnie N. Saint-Serge de Matiané, son décor sculpté et ses inscriptions // Mélanges Jean-Pierre Sodini, Travaux et Mémoires. Vol. 15. 2005. P. 67–84.
- Kazaryan 2014 — Kazaryan A. The Zhamatun of Horomos: The Shaping of an Unprecedented Type of Fore-church Hall // Kunsttexte. de. 2014. № 3. P. 1–14.
- Kazaryan 2015 — Kazaryan A. The architecture of Horomos monastery // Horomos monastery: art and history. Collège de France — CNRS — Centre de Recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 50 / ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015. P. 55–205.
- Lepage, Mercier 2005 — Lepage C., Mercier J. Les églises historiques du Tigray. Paris: ADPF, 2005.
- Leroy 1960 — Leroy J. L'évangélaire éthiopien du couvent d'Abba Garima et ses attaches avec l'ancien art chrétien de Syrie // Comptes rendus des séances de l'Académie des

- Inscriptions et Belles-Lettres. Vol. 104. 1960. P. 200–204.
- Mercier, Lepage 2012 — Mercier J., Lepage C. Lalibela, Wonder of Ethiopia: The Monolithic Churches and their Treasures. London: Paul Holberton, 2012.
- Mordini 1939 — Mordini A. La chiesa ipogea di Ucro (Amba Seneiti) // *Annali dell'Africa Italiana*. Vol. 2. 1939. P. 517–526.
- Pankhurst 2003 — Pankhurst R. Armenians // *Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 1: A–C / ed. S. Uhlig. Wiesbaden: Harrassowitz, 2003. P. 344–347.
- Ponomarew 1971 — Ponomarew W. Georgien // *Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. Bd. II. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1971. P. 662–734.
- Rodley 1985 — Rodley L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Strzygowski 1918 — Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. 1918. Bd. 2. Wien: Kunstverlag Anton Schroll & Co, G. M. B. H. in Wien 1.
- Swanson 2016 — Swanson M. N. An Eclipsed History toward a framework for the medieval history of the Red Monastery // *The Red Monastery Church. Beauty and asceticism in Upper Egypt* / ed. E. S. Bolman. New Haven, London: Yale University Press, 2016. P. 193–201.
- Tsafirir 1978 — Tsafirir Y. Jerusalem // *Reallexikon zur Byzantinischen Kunst*. Bd. III. 1978. P. 525–615.
- Vardanyan 2015 — Vardanyan E. The Žamatun of Horomos and the Žamatun/Gawit' structures in Armenian architecture. The sculpted Dome of Horomos monastery Žamatun: an Armenian Apocalypse // *Horomos monastery: art and history*. Collège de France — CNRS — Centre de Recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Monographies 50 / ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz, 2015. P. 207–300.
- Walatek McKenney 2011 — Walatek McKenney H. Examples of Armenian Presence and Contacts in Egypt, Nubia and Ethiopia from 5th to 16th Century // *Series Byzantina*. Vol. IX. Warsaw: The Polish Society of Oriental art Cardinal Stefan Wyszyński University, 2011. P. 11–23.

REFERENCES

- Amiranashvili Sh. *Istoriia gruzinskogo iskusstva (The History of Georgian Art)*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1963 (in Russian).
- Bok V. G. *Materialy po arkhologii Khristianskago Egipta (Materials on the archeology of Christian Egypt)*. Saint-Petersburg, 1901 (in Russian).
- Kazaryan A. Yu. "Novyi Ierusalim" v prostranstvennykh kontseptsiiakh i arkhitekturnykh formakh Srednevekovoi Armenii ("New Jerusalem" in Spatial Concepts and Architectural Forms of Medieval Armenia). *Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv: sb. statei (New Jerusalems. Hierotopy and iconography of sacred spaces: digest of articles)*. Ed. A. M. Lidov. Moscow: Indrik Publ., 2009, pp. 520–543 (in Russian).
- Kakovkin A. Ia. Armiane v srednevekovom Egiptie (k voprosu o kul'turnykh svyaziakh armenian i egiptian) (Armenians in medieval Egypt (on the issue of cultural relations between Armenians and Egyptians)). *Istoriko-filologicheskii zhurnal AN Arm. SSR (Historical and philological journal of the Academy of Sciences of the Armenian SSR)*, no. 1, 1982, pp. 150–158 (in Russian).
- Klyuev S. A. Osobennosti resheniia svodov v skal'nykh khramakh regiona Tygrai (Efiopiia). Chast' 1: kupola (The Aspects of the Concepts of the Vault at the Rock-Hewn Churches of Tigray (Ethiopia). Part 1: The Domes). *Voprosy vseobshchey istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, no. 1 (7), 2016, pp. 90–104 (in Russian).
- Mnatsakanian S. Kh. *Arkhitektura armianskikh pritvorov (Architecture of armenian gavits (narthexes))*. Yerevan: Akademiia nauk Armianskoi SSR Publ., 1952 (in Russian).
- Tokarskiy N. M. *Arkhitektura Armenii IV–XIV vv. (Architecture of Armenia of the 4th–14th centuries)*. Yerevan: Armgosizdat Publ., 1962 (in Russian).
- Turayev B. A. *Issledovaniia v oblasti agiologicheskikh istochnikov istorii Efiopii (Studies on the hagiological sources of the history of Ethiopia)*. Saint Petersburg: M. Stasyulevich Publ., 1902 (in Russian).

- Turayev B. A. Iz armiano-abissinskikh snoshe-
nii (From Armenian-Abyssinian relations).
*Pam'iatniki Efiopskoi pis'mennosti (The Ethi-
opian written monuments)*, vol. 10. Saint Pe-
tersburg: Imperatorskoi Akademii Nauk
Publ., 1912 (in Russian).
- Frantsuzov S. A. Evstafii (Ewostatewos). *Pravo-
slavnaia entsyklopediia (The Orthodox En-
cyclopedia)*, vol. 17. Moscow: Tserkovno-
nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsyklope-
diia" Publ., 2008, pp. 300–301 (in Russian).
- Khalpakhch'ian O.Kh. *Sanain: Arkhitekturnyi an-
samb' Armenii 10–13 vekov (Sanahin: archi-
tectural emsemble of Armenia of 10th–13th
cent.)*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973 (in
Russian).
- Khalpakhchian O.Kh. *Arkhitekturnye ansambli
Armenii 8 v. do n. e. — 19 v. n. e. (Architectur-
al ensembles of Armenia 8 c. B. C. — 19 A. D.)*
Moscow: Iskusstvo Publ., 1980.
- Tchernetsov S. B. *Efiopiia v pervye shestnadsat'
vekov nashei ery (Ethiopia in the first sixteen
centuries of our era)*. St. Petersburg: Mu-
seum of Anthropology and Ethnography of
the Russian Academy of Sciences Publ.,
2004 (in Russian).
- Bosc-Tiessé C., Derat L.-M., Fritsch E., Abullif W. A.
Les inscriptions arabes, coptes et guèzes
des églises de Lalibälä. *Annales d'Éthiopie*,
vol. 25, 2010, pp. 43–53.
- Coquin R.-G., Martin M. S. J. Dayr Anba Shinu-
dah. History. *The Coptic encyclopedia*, vol. 3,
1991, pp. 761–766.
- Cuneo P. *Architettura Armena dal quarto al dici-
annovesimo secolo*. Roma: De Luca editore
Publ., 1988.
- Di Salvo M. *The Basilicas of Ethiopia. An architec-
tural History*. London–New York: I. B. Tauris
Publ., 2017.
- Fitzgerald M. A., Marsden P. *Ethiopia: The Liv-
ing Churches of An Ancient Kingdom*. Cairo,
New York: A Ludwig Publishing Edition, The
American University in Cairo Publ., 2017.
- Gaborit-Chopin D. Throne-reliquary (the Sedia
di San Marco). *The Treasury of San Marco*,
Venice. Milan: Olivetti Publ., 1984, pp. 98–
105.
- Gerster G. *Churches in Rock*. London: Phaidon
Publ., 1970.
- Heldman M. E. The Heritage of Late Antiquity.
African Zion: the sacred art of Ethiopia. Ed.
R. Grierson. New Haven, London: Yale Uni-
versity Publ., 1993, pp. 117–132.
- Jolivet-Lévy C., Lemaigre-Demesnie N. Saint-
Serge de Matianè, son décor sculpté et
ses inscriptions. *Mélanges Jean-Pierre So-
dini, Travaux et Mémoires*, vol. 15, 2005,
pp. 67–84.
- Kazaryan A. The Zhamatun of Horomos: The
Shaping of an Unprecedented Type of
Fore-church Hall. *Kunsttexte.de*, no. 3, 2014,
pp. 1–14.
- Kazaryan A. The architecture of Horomos mon-
astery. *Horomos monastery: art and histo-
ry*. Collège de France — CNRS — Centre
de Recherche d'Histore et civilisation de
Byzance. Monographies 50. Ed. E. Vardan-
yan. Paris: ACHCByz Publ., 2015, pp. 55–
205.
- Lepage C., Mercier J. *Les églises historiques du Ti-
gray*. Paris: ADPF Publ., 2005.
- Leroy J. L'évangéliste éthiopien du couvent
d'Abba Garima et ses attaches avec l'ancien
art chrétien de Syrie. *Comptes rendus des sé-
ances de l'Académie des Inscriptions et Belles-
Lettres*, vol. 104, 1960, pp. 200–204.
- Mercier J., Lepage C. *Lalibela, Wonder of Ethio-
pia: The Monolithic Churches and their Treas-
ures*. London: Paul Holberton Publ., 2012.
- Mordini A. La chiesa ipogea di Ucro (Amba Se-
neiti). *Annali dell'Africa Italiana*, vol. 2, 1939,
pp. 517–526.
- Pankhurst R. Armenians. *Encyclopaedia Aethi-
opica*, vol. 1: A–C. Wiesbaden: Harrassowitz
Publ., 2003, pp. 344–347.
- Ponomarew W. Georgien. *Reallexikon zur byz-
antinischen Kunst*, bd. 3. Stuttgart: Anton
Hiersemann Publ., 1971, pp. 662–734.
- Rodley L. *Cave monasteries of Byzantine Cappa-
docia*. Cambridge: Cambridge University
Publ., 1985.
- Strzygowski J. *Die Baukunst der Armenier und Eu-
ropa*, bd. 2. Wien: Kunstverlag Anton Schroll
& Co, G. M. B. H. in Wien 1 Publ., 1918.
- Swanson M. N. An Eclipsed History toward a
framework for the medieval history of the
Red Monastery. *The Red Monastery Church.
Beauty and asceticism in Upper Egypt*. Ed.
E. S. Bolman. New Haven, London: Yale Uni-
versity Publ., 2016, pp. 193–201.
- Tsafirir Y. Jerusalem. *Reallexikon zur Byzantinisch-
en Kunst*, bd. 3, 1978, pp. 525–615.

- Vardanyan E. The Žamatun of Horomos and the Žamatun/Gawit' structures in Armenian architecture. The sculpted Dome of Horomos monastery Žamatun: an Armenian Apocalypse. *Horomos monastery: art and history*. Collège de France — CNRS — Centre de Recherche d'Histore et civilisation de Byzance. Monographies 50. Ed. E. Vardanyan. Paris: ACHCByz Publ., 2015. P. 207–300.
- Walatek McKenney H. Examples of Armenian Presence and Contacts in Egypt, Nubia and Ethiopia from 5th to 16th Century. *Series Byzantina*, vol. IX, Warsaw: The Polish Society of Oriental art Cardinal Stefan Wyszyński University Publ., 2011, pp. 11–23.